

Vol.

ТИМУР КИБИРОВ

Г Е Н Е Р А Л

И ЕГО СЕМЬЯ

Исторический роман

Individuum/Vol.

Москва, 2024

УДК 82-311.6

ББК 84(2)6

К38

Кибиров, Тимур

К38 Генерал и его семья : исторический роман / Тимур Кибиров. М.: Индивидуум, 2024. — 624 с. — (Vol.).

ISBN 978-5-6043605-4-5

Тимур Кибиров — поэт и писатель, автор более двадцати поэтических книг, лауреат многих отечественных и международных премий. Книга «Генерал и его семья», которую сам автор называет «историческим романом», стала лауреатом премии «Большая книга» (2020). Это семейная сага, разворачивающаяся в позднем СССР. Кибиров подходит к набору вечных тем (конфликт поколений, проблема эмиграции, поиск предназначения) с иронией и лоскутным одеялом из цитат, определявших сознание позднесоветского человека. Вложенный в книгу опыт и внимание к мельчайшим деталям выводят «Генерала и его семью» на территорию большого русского романа, одновременно искреннего и саркастичного.

УДК 82-311.6

ББК 84(2)6

 individuum Vol.

© Тимур Кибиров, 2020

ISBN 978-5-6043605-4-5

© ООО «Индивидуум Принт», 2020, 2024

Что-о?! Из русского офицера Петрушку делать?!

*Восклицание одного отставного
подполковника, заведующего отделом
кадров в каком-то советском НИИ, когда
сотрудницы предложили ему быть Дедом
Морозом на детском празднике*

КНИГА ПЕРВАЯ

АННА
И КОМАНДИР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дух партий, благосклонность и вражда
Как исторический характер нам не ясно
Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить к вашим взорам —
И к сердцу.

Ф. Шиллер в переводе Л. Мея

Ну вот он.
Здасьте, пожалуйста!
В смысле — здоровья желаю!

Да, действительно, генерал, генерал-майор, никаких уже сомнений,
вот, все знаки различия налицо: погоны блещут, лампасы алеют,
папаха морозной пылью серебрится.

Хорош.

Вот те и магический кристалл!
Вот тебе и Годунов-Чердынцев, и Айвенго, и Петруша Гринев
с Максимом Максимовичем!
Не говоря уже о мистере Пиквике и сэре Рипичипе.

Так-то вот.
Никаких тебе, старичок, снусмумриков, даже не мечтай, рылом
не вышел, тебе вот это вот, похоже, всю жизнь разгрести и обонять.

Прям как в анекдоте: «Всех вумных к вумным послали, а тебе — пакет!»

Тоже про генерала, кстати...

Обидно, конечно же, и досадно.

Сам-то ведь себя считаешь не просто вумным, а прямо-таки средоточием всяческой вумности и утонченной затейливости, а тут такой, прости Господи, персонаж.

И ничего ведь уже не поделаешь, придется-таки выяснять, что же он такое, в конце концов, означает, и с какой, собственно, целью явился из советского далека (ах да, не явился, являются, как справедливо отмечал майор Юдин, привидения), значит, прибыл, прибыл для дальнейшего прохождения службы, и по какому праву сей нежданный-негаданный пришлец домогается воплощения.

В общем, как шутят в любимой оперетте моего генерала: «Что выросло, то выросло!»

Ну а Музе давно ведь уже было велено быть послушной (и, между прочим, равнодушной — к тому, что и как толкует чернь тупая), и этот приказ, насколько мне известно, еще никто не отменял, и на Музу российския прозы он распространяется в полной мере.

А то, что опять цитата на цитате едет и реминисценцией погоняет и презренная пародия бесчестит литературные памятники и мемориальные комплексы, — с этим и подавно придется смириться, старого учить что мертвого лечить.

Так что остается только самому встать по стойке смирно, приложить правую руку к воображаемому козырьку и спросить неведомо кого: «Разрешите выполнять?»

Тут же, конечно, вспоминается строчка из армейской песенки Ковалева и Липского: «Разрешите обоссаться?»

Может, конечно, и так получится.

Кто ж от такого застрахован?

Ну а генерал мой от нетерпения уже чуть не подпрыгивает, ботиночками притопывает, перчаточками прихлопывает, рожа разругалась, что твое переходящее знамя, или дефицитная из-под прилавка рыба, или снегирь на новогодней открытке от Анечки, или... в общем, пылает рожа, а бровищи заиндевелые искрят на солнышке, так весь здоровьем и пышет и папиросочкой, лихо закушенной, попыхивает!

Крепенький такой, ядреный, радостный, ну совсем как само это утро, смачно хрустящее под озябшими ногами и слепящее глаза генераловы всей своей январской бижутерией.

Ну?

И чем не герой?

Согласитесь: внешний вид, несмотря на всю выслугу лет, самый что ни на есть геройский, можно сказать, молодецкаты или даже молодецкий. Именно! Как в песне: ой ты удаль молодецкая! Заливные голоса!

Росточком вот только не вышел.

Деликатно говоря — ниже среднего.

Зато плечи — косая сажень, и грудь, натурально, колесом!

Правда, последние лет двадцать это уже не очень видно, потому что колесом гораздо большего диаметра выкатилось генеральское пузо (маленькая Анечка, забираясь воскресным утром к родителям в кровать, хлопала ладошкой по отцовской майке и цитировала Чуковского: «Ну и брюхо, что за брюхо! Замеча-а-ательное!!»), но, как ни странно, это нашему военному герою вполне идет,

нисколько не мешает бравой выправке и даже придает его фигуре еще бóльшую значительность и монументальную монолитность.

Травиата Захаровна (об удивительном имени генеральской женоушки поговорим потом) любящими своими глазами усматривала в его лице сходство с французским киноактером Жаном Габеном, с чем я отчасти готов согласиться, но все-таки указал бы, скорее, на актера советского — Юрия Толубеева в роли Городничего в старой, но замечательной экранизации.

А в недобрые минуты генерал и вовсе становился похож на Собакевича, каким его изобразил Боклевский, если я правильно помню фамилию классического иллюстратора.

Голова — крупная и круглая, глаза небольшие, серо-голубые.

— Стальные, может быть?

— Да пожалуй, и стальные, почему нет?

Нос... ну не то чтобы совсем картошкой, а так... большой такой клубникой, и опять-таки как у Сквозника-Дмухановского, который сам себя в сердцах обозвал толстоносым.

Брови седые и лохматые, потому что после смерти Травиаты Захаровны некому было приводить их в порядок, а волосы, все еще густые, стрижены жестким и колючим ежиком, почти под ноль.

Вот такие суровые черты лица.

А иногда и смешные и вызывающие ехидный вопрос: уж не пародия ли он?

— А уши?

— Что уши? Нормальные уши... Ну, мясистые такие... И тоже без присмотра Травушки сильно заросшие.

А вот шеи нет вовсе, то есть раньше-то она, безусловно, была, хотя и не больно заметная, а под старость совсем исчезла под нависшими брылами и вторым подбородком.

Ну да, правильно — бульдог.

А может, и мастиф.

Зовут его Василий Иванович.

Почему же сразу как Чапаева? А может, как Теркина? Мало ли Васильев Иванычей.

Например, художник Суриков или, скажем, архитектор Баженов. Или вот В. И. Агапкин, автор дембельского марша «Прощание славянки».

Или покойный папа моего уже тоже покойного друга, подполковник Хитрук В. И., Царствие им обоим Небесное.

Так что имя-отчество вполне себе подходящее, солидное, исконно русское, без всяких этих глупостей.

А вот фамилия...

Подгуляла фамилия.

Сколько же наш генерал, да и дочь его, да даже и Степка-балбес вынесли из-за этой фамилии глумлений и хихиканий!

Но и правда ведь смешно — генерал-майор Бочажок?

Да и полковник, и подполковник, и майор, и даже лейтенант Бочажок тоже истинная находка для остряков-самоучек.

Этакая глупая фамилия разве что ефрейтору в пору!

И рифмуется же, главное, так легко с чем попало!

А если того злосчастливого Бочажка Господь еще и ростом обидел?

Ну самые серьезные и умные люди никак не могли удержаться от улыбок, а дураки так просто покатывались:

— Как-как? Бочажок?! Ха-ха-ха! Гы-гы-гы!

А о том, какое впечатление производила эта фамилия в сочетании с именем Травиата, и говорить не стоит.

И вроде ничего такого особо нелепого или, там, непристойного в звучании и в значении этой фамилии не было — ведь не Заповев же все-таки, не Сиськамац какой-нибудь (есть и такая фамилия, ей-богу), не Говенда, увековеченная Л. С. Рубинштейном!

Или, например, семья Какашкиных, которых мне самому довелось опрашивать в ходе Всесоюзного социологического исследования!

Нет, ничего такого, всего лишь уменьшительное от хорошего русского слова «бочаг» (или «бочага»), которое означает согласно Ушакову «яму залитую водой, омут», а по другому словарю — «глубокое место в реке» или «небольшое озеро, остаток пересыхающей реки». И чего тут ржать? Именно что признак дурачины...

А в последние лет десять это же самое дурачество и веселье по поводу уха на боку пристало, как банный лист, и к безукоризненно, казалось бы, серьезному имени и отчеству генерала.

Потому что советскому народу после лютой стужи хватило и жалких лучей хрущевской оттепели, чтобы разнежиться и оборзеть, смекнув, что его, как это ни странно, вроде не собираются больше расстреливать, да и сажают-то спустя рукава и на какие-то смешные сроки. И пустился распоясавшийся народ-языкотворец как подорванный сочинять и рассказывать анекдоты.

А среди этих самоцветов русского фольклора, чаще всего неприличных, но иногда потрясающе изящных по форме и даже глубоких по содержанию, едва ли не самыми популярными были анекдоты про тезку моего генерала, легендарного героя Гражданской войны

и культового фильма. Ну и про его верного оруженосца Петьку, комиссара Фурманова и Анку-так сказать-пулеметчицу.

Ни поручик Ржевский, похабничающий с Наташей Ростовой прямо на первом балу, ни безобразник Вовочка, спрашивающий училку, кто такой Вуглускр, ни (чуть позже) Штирлиц, ни даже лично Леонид Ильич не могли, насколько я помню, соперничать с этим устным народным героем.

Вот разве что армянское радио и безотказный Рабинович, да и то вряд ли.

Так что словосочетание «Василий Иванович» ассоциировалось теперь исключительно и прочно с этим нелепым, пьяным, блудливым и тупым, как валенок, персонажем.

Особенно изводил Бочажка его заместитель по политической части, подполковник Пилипенко (это когда сам Василий Иванович был командиром полка):

— Здоров, Василий Иванович, слышал анекдот про антенну? Василий Иваныч, гы-гы, спрашивает Петьку: «А где Фурманов?» А тот: «Антенну натягивает!» А Чапаев: «Красивое имя — Антенна!» И сам хохочет, заливается.

Бочажок молча смотрит на него и думает: «Какой же ты все-таки идиот. Треснуть бы тебя по башке твоей лысой вот этим, к примеру, графином!»

А Пилипенко, отхохотав, спрашивает:

— Чо, не дошло?

И начинает снова рассказывать с пространными объяснениями.

А офицерский молодняк вообще, хотя и уважал своего командира, и боялся, и в общем и целом скорее любил, чем нет, прозвал

Бочажка Джавахарлалом. Почему? Да из-за такого же непристойного, но, на мой взгляд, более забавного анекдота, ныне забытого и малопонятного. Джавахарлал Неру — это был такой всемирно известный индийский политик, уж не помню, прогрессивный или реакционный.

И вот, значит, выходит Чапаев покурить на балкон, завернувшись в простыню, а Петька снизу:

- Василий Иваныч, ты, что ли, Джавахарлал Неру?
- Во-первых, не Неру, а Ньюру, а во-вторых, не твое дело, кого я джавахарлал!

Но об этом своем унижительном прозвище Бочажок, к счастью, так никогда и не узнал.

- Товарищ генерал, сказали, еще минут двадцать! — доложил подбежавший водитель генеральской «Волги», сержант Григоров, которого Василий Иваныч посылал узнать, когда ж, в конце-то концов, приземлится самолет, на борту которого летит из Москвы его доченька, красавица и умница, папина радость и гордость, единственный теперь уже свет его очей.

- Спасибо. Ты поди в машину погрейся. И ты тоже, а то стоишь, как этот... — генерал с привычным раздражением изобразил, как именно стоит его сын. Но в это утро даже Степка не мог испортить настроения, разве что подпортить — слегка и ненадолго. — И высморкайся ты, в конце-то концов, чо ты сопли-то гоняешь... Есть платок?

- Есть... — угрюмо отвечал Степка, продолжая шмыгать носом. — Только он в форме... в брюках.

- В брю-уках, — передразнил генерал. — На!

Степка взял протянутый отцовский платок и стал сморкаться, ожидая с покорным равнодушием дальнейших нареканий.

- Иди уж, грейся, горе луковое... Да оставь платок... Жуки!

Последнее слово, произнесенное с убийственной иронией, требует объяснения. Незадолго до начала нашей истории Степка на вопрос генерала, изумленно и гневно разглядывающего фотографию каких-то нечетких, но явственно и отвратительно волосатых прощелыг, пробурчал:

— Ансамбль... вокально-инструментальный... Битлы... Ээ Битлз...

— Чего-чего?

— Жуки...

Почему-то у многих тогда была странная уверенность, что именно так и переводится название достославной ливерпульской четверки.

— Именно что Жуки! — сказал генерал, но срывать со стены и запрещать это безобразие почему-то не стал, махнул рукой.

Видимо, пожалел своего нелепого и безнадежного недоросля. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, хуже уже вряд ли будет.

И потом — было бы просто несправедливо репрессировать каких-то дурацких Жуков, когда рядом, на той же стене, который год безнаказанно висели изображения настоящей генераловой врагини — любимой Анечкиной поэтессы Анны Андреевны Ахматовой.

А Василий Иванович был, как и положено, суров, но безукоризненно и щепетильно справедлив.

Теперь, наверное, нужно объяснить, почему это генерал вместо того, чтобы спокойно дожидаться в здании аэропорта, среди других встречающих, в нарушение всех правил и инструкций выехал на своей черной «Волге» чуть ли не на взлетно-посадочную полосу и стоит себе, заложив руки за спину, всматриваясь в бледно-голубое морозное небо? А потому что генерал. Хотя и новоиспеченный.

Во всем районе выше его по званию никого нет, в смысле по воинскому званию. К нему и райкомовское, и райисполкомовское начальство относилось с должным почтением и всегда шло навстречу, а уж аэрофлотовские людишки и подавно были рады стараться.

И Василий Иванович тоже рад — и новому званию, и солнцу, и морозу, и предстоящей встрече.

Хотя и волнуется немного.

Дело в том, что в прошлый раз, ровно год назад (летом Анечка не приезжала — написала, что едет в стройотряд, а потом в какой-то лагерь, интернациональной дружбы, что ли), уже в последний вечер случился тяжелый, безобразный и не нужный никому разговор, они друг друга наобижали и вдрызг разругались, так что простились совсем нехорошо, как чужие.

А началось все с того, что Василий Иванович, глядя со снисходительной и счастливой улыбкой, как Анечка крутится перед зеркалом в только что подаренной им дубленке (спасибо Ларисе Сергеевне — донесла, что на складе в военторге появилось несколько штук этого вождеденного всеми советскими модницами и модниками дефицита), когда дочка в очередной раз подскочила к нему с визгом «Ой, папка! Спасибо!» и повисла у него на шее, зачем-то проворчал: — А все вам советская власть не нравится!..

Ну пошутить он хотел! Просто пошутить!

А Анечка вдруг скорчила рожицу и нагло так:

— Да дубленка вроде югославская... — И сразу же: — А тебе-то самому нравится?

— Мне-то? — Он все пытался вернуть веселье, не обращать внимания на дочкину провокацию: — Мне-то самому-у... нравится!.. моя!.. — И заграбастал ее в свои ласковые лапы. — Анка-обезьянка! И Нюрка — хулиганка! И...

Но Анечка не поддержала их старинную игру, выскользнула и продолжила:

— И чем же она тебе так уж нравится?

Тут и генерал (тогда еще, впрочем, полковник) начал потихонечку закипать:

- А тем, что она меня вырастила и выкормила! И выучила, и в люди, в конце-то концов...
- Только сначала она тебя родителей лишила, если я не ошибаюсь?

Чем сильнее горячился злосчастный отец, тем холодней становилась непочтительная и злобная дочка.

- А вот это вот не твоего ума дело! Поняла? Много вы знаете! Наслушались... Время такое было!

И тут, как назло, из детской вышел Степка-балбес и тоже пошутил, ляпнул из «Неуловимых мстителей»:

- Но время у нас такое! Нельзя нам без сирот! (Это, помните, Сидор Лютый Даньке говорит.) Ну и получил от распалившегося папки подзатыльник.

Тут Анечка как заорет:

- Не смей его бить! Тут тебе не казарма!

Василий Иванов остолбенел:

- Что? Да когда ж я в казарме?.. Ты что?!
 - Ну не ты, так твои... твои... вся твоя армия, твоя... коммунистическая партия!
 - Да ты ополоумела, что ли, в конце-то концов? При чем тут партия вообще?!
 - Ну ты ведь у нас коммунист?!
 - Степка, а ну марш в кровать!
 - Да рано ж еще...
 - Марш, я сказал!!
 - Что, боишься, сын правду узнает?
- Сын, надо сказать, уже смылся от греха подальше.

— Да какую правду?! Ты что, с цепи сорвалась?! Совсем у себя там охренели!

И эта засранка вдруг:

— В таком тоне я разговаривать с собой не позволю!

И — хлоп дверью.

Василий Иванович обиделся ужасно.

И не только и не столько за советскую власть и коммунистическую партию, сколько за себя, всю жизнь баловавшего и обожавшего эту сопливую антисоветчицу.

Главное — за что? Что он сделал-то?

А все она, Ахматова эта, все с нее, гадины, началось!

Но теперь все будет по-другому.

Генерал за этот год все хорошенько обдумал и вынес окончательное и мудрое решение.

Никаких споров ни о какой советской власти. Сама со временем перебесится и одумается. А так только хуже, из упрямства одного станет перечить и противоречить.

Вот уж характер у девки.

Ничего. Найдем, о чем говорить...

На лыжах пойдём по озеру, как тогда. До самых островов. Чаю в термос, коньяк во фляжку, бутерброды, конфеты — и айда на полдня! Все хорошо будет. Как раньше.

Музыкальным аккомпанементом для своего радостного и тревожного ожидания генерал выбрал (он всегда что-нибудь про себя мурылкал и мычал) арию Мельника из оперы Даргомыжского:

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Посмотришь, мало толку в вас!
Упрямы вы, и все одно и то же
Твердить вам надобно сто раз!